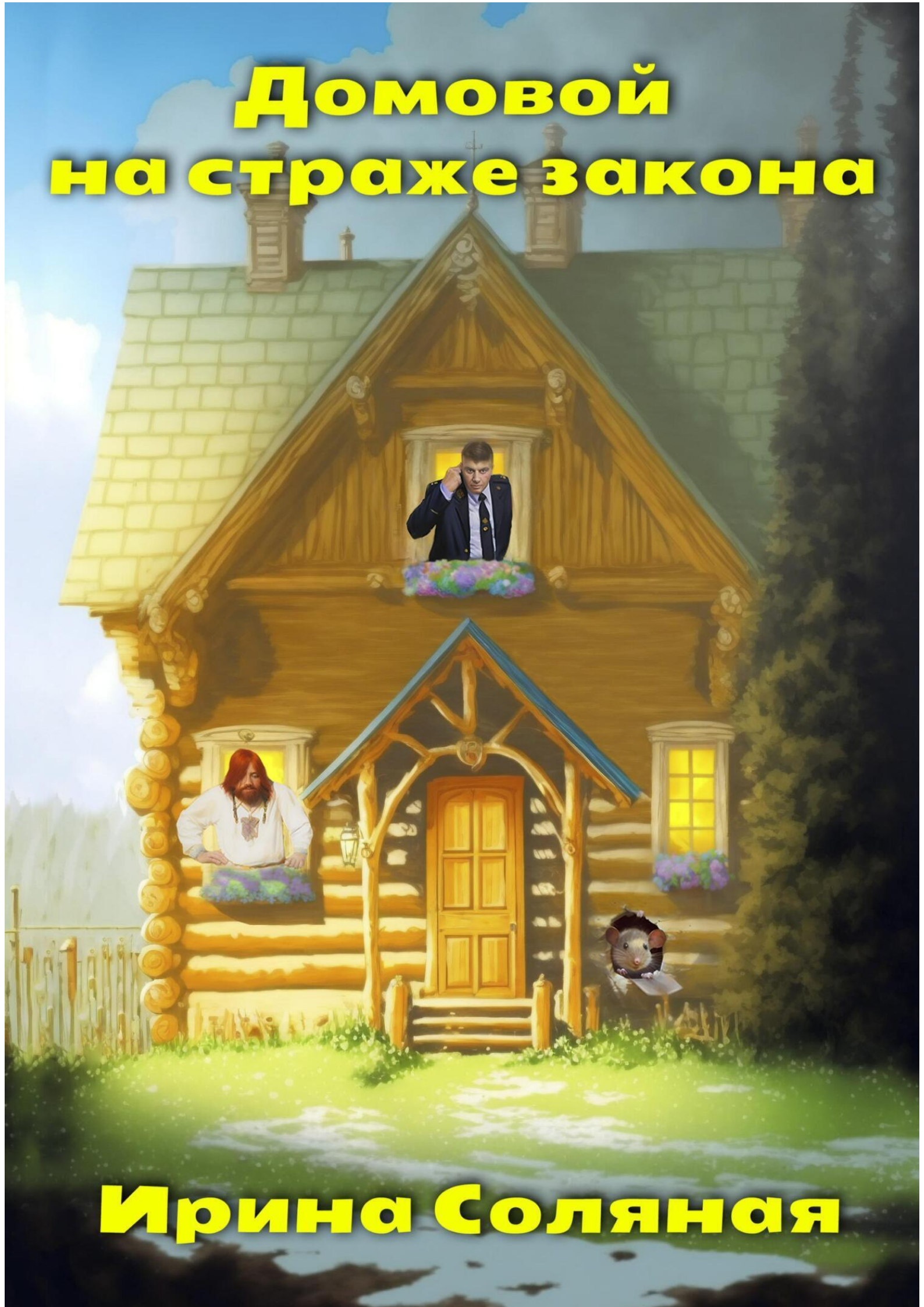

Домовой на страже закона

Ирина Соляная

Ирина Соляная

Домовой на страже закона

«Автор»

2023

Соляная И. В.

Домовой на страже закона / И. В. Соляная — «Автор», 2023

Кто способен раскрыть череду необычных преступлений, победить неуловимого оборотня и остановить нашествие орды захребетников? Встречайте необычных кольчугинских сыщиков: хитрого следователя по особо важным делам, разжалованного домового Бороду и мелкую лейтенантку Степаниду. Они раскрывают все тайны, кроме своих. Эпичные звёзды Рунета на страже закона ждут вас!

© Соляная И. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Пожар	6
Глава 2. Наказание	10
Глава 3. Знакомство с отделом	13
Глава 4. Присвоение звания	16
Глава 5. Появление Полупуда	19
Глава 6. Беспольные свидетели	22
Глава 7. Подвал ИВС	25
Глава 8. Степанида против Лиллит	30
Глава 9. Ликёр «Амаретто»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Соляная

Домовой на страже закона

Поместья мирного незримый покровитель,

Тебя молю, мой добрый домовой,

Храни селенье, лес и дикий садик мой,

И скромную семьи моей обитель!

А. С. Пушкин

Ваш человеческий мир давно прогнал,

он в колесе сражений и горнил.

Но где-то выключаются фонтаны,

а где-то загораются огни.

Резная Свирель

Глава 1. Пожар

«Домовой – суть душа любого жилища, – любил поговаривать Борода, обращаясь к своей единственной слушательнице, мышке Степаниде, – пока я тут хозяйствую, дом жив. Обитель свою никому не отдам и любого до смерти защекочу, кто посягнёт». Посягать вроде никто не собирался, и разговоры такие велись исключительно для того, чтобы унять предчувствия грядущих бед.

Степанида слушала разглагольствования домового, листая «Наставление для порядочной домовой нечисти». В толстой книжке говорилось о том, что домовый – первый среди равных. Он покровитель всего домовладения – избы, сараев и построек, двора и огорода до самой ограды. А всякие другие должны его слушаться, внимать указаниям и с благодарностью принимать науку веником под зад и даже оглоблей по спине. Только никаких других не было – ни кикиморы, ни банника, ни овиинника, ни запечника. А всё потому, что изба, в которой жил Борода со своей верной подругой мышкой, давно уже пустовала.

Степаниде было очень интересно узнать, что же хранит «Наставление для порядочной домовой нечисти», и есть ли там главы о мышах. С одной стороны, ей хотелось служить этому дому, и она была не против подчиняться Бороде. А с другой стороны, она не относилась к нечисти. Вернее... К домовому нечисти. А Бороде очень не нравилось, что мышь почитывает на досуге такую важную книгу. Ему казалось, что она тем самым хочет установить мышинный контроль над свободной жизнью домового. Точно Надмирной Инквизиции ему было мало.

Борода сдвинул густые пшеничные брови и погрозил Степаниде пальцем. Она приняла упрёк, со вздохом закрыла «Наставление» и перешла к другому чтиву, увлекательно-сказочному. Борода продолжил бубнить о том, что уж три года как померла бабка Матрёна, а внучок её сюда и носа не кажет. И какой же он, домовый, молодец, что дверь в избу замкнул, калитку колышком подпёр. Степанида хихикала: «На всём хуторе Кривом остались три вдовицы. А избы у них по лесу далеконоько разбросаны. Кто воровать-то пожитки Плотниковых станет?» Борода весомо ответил: «А всё ж порядок быть должен».

Так и коротали одинокие дни в избе Плотниковых. Домовой Борода как родоначальник, давно забывший о том, кем был до земной кончины, и Степанида, которая приболудилась невесть откуда. Жили дружно, но впроголодь, на судьбу не жаловались, ждали лучшей доли. Спросу хозяйского с домового не было, только навевывалась Надмирная Инквизиция, посмотреть что да как в заброшенной избе.

Хутор Кривой умирал, лес был завален валежником, и короткая дорога через речку Калиновку стала недоступна. Бабка Лукерья пошла с корзинкой в продмаг и вернулась, бормоча жалобы на сгнивший мост. Теперь до асфальтовой дороги, которая вела в райцентр, добираться было можно лишь кружным путём. Бабка пожаловалась, а домовый подслушал, когда та мимо его избы проходила.

Борода взволновался. Что ж это такое делается! Он не любил оставлять без присмотра жильё – негоже, а потому решил растормошить мышь Степаниду, сидевшую за книжкой «Русские народные сказки». Она перечитывала любимые страницы в сотый раз, особенно налегая на историю про Змея Горыныча, и посмотрела на домового затуманенным взором.

– Иди, Степанидушка, без тебя никак. Проверь, что с мостиком.

Подружка сбегала проворно, вернулась быстро, усишки пригладила и доложила: «Все три доски прогнили прямо посередке. Обрушились и торчат, как гнилые зубы». Борода поверил: мышь о зубах всё знает. Повелел ей сходить на Мокрый Камень, что у ручья, и кликнуть водяного для серьёзного разговора. Степанида кивнула, снова ушмыгнула и долго не возвращалась.

«Видно, по дороге ягоды собирает. Бабы есть бабы, хоть и мыши. Ипфу на них», – печалился Борода.

Смеркалось, он погонял пыль и пауков в горнице и вышел на крыльцо подышать свежим воздухом. Привычно оглаживая кудрявую, длинную бороду, домовый вздыхал от переполнявших голову печальных дум.

Уже не первый год он жил с мыслью о том, что мир ветшает. Можно терпеть заплатки на рубахе, разбитые глиняные горшки на плетне, отключение радиоточки за неуплату и даже опустевший после бабки Матрёны дом. Но как можно спокойно спать, если знаешь, что по соседству беда? Борода проведал, что в крайней избе недостача: бесследно пропал домовый. Не успел и посокрушаться над этой новостью, как явился Надмирный Инквизитор. Ничего Борода не боялся в своей вечной жизни, кроме грозного контроля этого магического ордена. Не по себе домовому было, особенно от вопросов: приезжали ли на хутор чужаки, появлялись ли неопознанные сущности? О чём Борода мог сговариваться с пропавшим?

«Откуда мне, знать, что у соседского домового на уме? Не друзья мы вовсе, не приятели. У каждого своё нечистое дело», – оправдывался Борода, а у самого щемило сердце. Никогда такого не было, чтобы домовые пропадали бесследно. И вообще, когда тебя допрашивают с пристрастием, мнится, что твоя вина в неведомом, в несодееянном всё же есть.

«Вообще, – размышлял Борода, – каждый должен своим делом заниматься. Моё дело – избу Плотниковых в порядке содержать. А вдруг наследник когда-нибудь надумает приехать? Всех рано или поздно родное гнездо к себе манит. А я тут как тут: всё целёхонько в избе, похозяйски. Дело лешего – лес не запускать, опушку в чащу не превращать, а водяной должен следить за мостиком. У лешего совесть спит, как медведь в берлоге, а у водяного – как налим под корягой. Смотреть на беззаконие – душа не терпит».

Степанида вернулась, залезла в старый валенок греться. Долго ворочалась, сучила лапками, домовый ждал, что она расскажет.

– Просьбу твою передала, не серчай, что долго ходила. Сначала ответа ждала, потом обед рыскала. В доме есть нечего.

– Что Тухлый сказал?

– Сказал, что согласен стрелку забить.

– Кого забить? Совсем озверел.

– Да, вид у него был свирепый. Он много чего говорил, только я не поняла. Каждое слово отдельно – понятно, а вместе – не сложить.

– Куда мир катится... – вздохнул Борода.

– Окунёк шепнул, что Тухлый сильно изменился после того, как какого-то разбойника в реке утопили.

– Плохому научили, эх... Надоть самому идти. Тревожно что-то.

К вечеру Борода с опаской оставил дом и направился к Мокрому Камню. Степанида обещала в случае чего позвать обратно. На душе было муторно, беспокойно, словно кто-то скрёб когтями сухую половицу. Тухлый ждал Бороду на Мокром Камне, посредине пути от речки до дома Плотниковых. На жирные плечи и пузо он разложил мокрые водоросли, чтобы тело не пересыхало, и пялился на приближающегося Бороду тусклыми выпученными глазами. Борода знал, что у его вражиночки тоже были нелады с Надмирной Инквизицией, которая наказала водяного за утопленника. Но домовый при всей неприязни к водяному, считал незаконным наказание.

– Всё заплатки пришиваешь? – поздоровался Тухлый.

– Всё воду мутишь? – не спустил ему Борода.

– Зачем маруху присылал? – хмыкнул Тухлый.

– Не маруху, а суженую, – поправил его Борода и нахмурился. – Почто мосток разломал?

– Нарочно, для своего и людского спокойствия. Я бы ещё и рыбу перетравил, чтобы к нам из райцентра не ездили.

– А кто к нам ездит-то? – изумился Борода.

– Менты зачастили на хутор, я только что их машину видал. Страшно жить, – вздохнул Тухлый и почесал подмышку, – думаешь мне нравится, что под мостком фраера кверху брюхом проплывают?

– А за мостком всё ж твой недосмотр... – посуровел Борода.

– Эх, босота! Вместе держаться надо, – с жалостью в голосе сказал водяной, – выйдет и тебе срок, возьмут и тебя за жабры. Слышал я, что домовый из крайней избы бесследно пропал. Может, его Инквизиторы для виду ищут, а сами ... того... В расход пустили за какие-то грехи. Кто ночью спит, тот днём голодный.

Побрёл Борода домой, в затылке почёсывая: «Что за жизнь нынче настала? У меня тоже предупреждение от Надмирной Инквизиции одно есть, неснятое. В доме-то не живёт никто, и в том мою вину усмотрели. Захочешь Тухлому в рыло кулаком сунуть, а жалко, вроде как мы на одной стороне оказываемся. А Надмирная стала даже несправедливая, валит на нас, нечистых, все грехи людского мира.

Понимал Борода, что никого у него не осталось в целом мире, кроме Степаниды и Тухлого, и от того было горько и беспросветно. Тревога в душе Бороды росла с каждым шагом. По мере приближения к родимой избе запахло гарью. Ветер нёс из-за деревьев мглу. «Не похоже на костёр, да и кому тут жечь?» – беспокойно подумал Борода и взлетел повыше. Над трёхствольной сосной небо со стороны хутора густо потемнело. Это был не тонкий дым из трубы и не веселый дымок со стихийной туристической стоянки. Почувствовал Борода гарь и вонь пожара, и охватила его сердце холодная жуть. Он ринулся навстречу беде, понимая, что уже не успеть.

Уже на подлёте к хутору стало ясно, что горит его изба. «Кто? Как! Когда!» – закричал Борода, но голос потонул в треске падающих брёвен. Горела не только крыша, но и стены. Огонь лизал домик, как раскалённый леденец.

«Степанида!» – мелькнула ужасная мысль, и домовый, не понимая, что мышка вполне могла убежать подальше от пожара, ринулся в самое пекло. Застило глаза, рот наполнился едкой горечью. Над головой с шумом мелькнуло огромное зелёное полотно, расписанное черными чешуйчатыми узорами. Что это было – домовый не понял, но почувствовал мощный удар под дых и отлетел на добрый десяток метров от избы. Ошеломлённый, он свалился у пересохшего колодца и провалился в вязкую тьму.

Очнулся он, когда Степанида вытирала влажным платочком его закопчённые щёки.

– Ой, беда-беда, горюшко великое. Не углядели... – шептала мышка, – я думала, что ничего плохого не случится! Прости, голубь мой. К дому машина приехала. Витя Плотников, внучок наш. С ним девушка была, красивая такая. Цыганистая. И друзья. Сначала водку пили, потом драка началась. Я из дома выскочила, тебя позвать. Но до Мокрого Камня не добежала. Слышу – крик нечеловеческий. Я назад метнулась да поздно.

– Что увидела? – хрипло спросил Борода, усаживаясь и опираясь спиной о сруб колодца.

– Ты мне не поверишь.

– Говори.

– Я видела огромного крылатого змея. Он взлетел вверх идохнул на избу. Она сразу загорелась, – по мордочке Степаниды бежали крупные слёзы. Я испугалась и спряталась между корнями нашей рябинки...

– Много сказок читала, почудилось тебе.

– Век не забуду, как испугалась.

– А люди куда делись?

– Они в машину попрыгали и уехали.

– А Витя?

Мышь промолчала, закусив зубками длинный хвост. Было понятно, что Витя остался в избе.

Вскоре вокруг горящего дома забегали соседки. Домовой не ожидал такой прыти ни от бабки Лукерьи, ни от бабки Олёны. Деловитая тётка Христина побежала дальней тропой на асфальтовую дорогу, чтобы выкликать подмогу. Конечно, было ясно, что избу уже не спасти, но стоять без дела Христина не могла. Бабки вытирали слёзы, не имея сил принести воды с Калиновки. Да и что парой ведёр можно сделать?

Домовой выл. Вместе с избой сгорела его прошлая жизнь. Всё, что было нажито: воспоминания, радости и горести. Старая койка, люлька для ребёнка на чердаке дома, книги и газеты, лавки и сундуки, иконы и лампадка. С диким грохотом обрушилась матица, державшая потолок. Рухнула кровля с коньком. Старушки метнулись к лесу, спрятались за соснами. Долго стояли, потом разбрелись по избам, только бабка Лукерья до рассвета сидела на поваленном дереве.

Утро не рассеяло дыма. От избы остались только две обуглившиеся стены, да и те держались непонятно на чём. Закопчённые брёвна были ещё горячи и трещали, словно валежник в костре. Посреди пожарища торчала русская печь. Когда-то она быламестилищем уюта, воплощением тепла и добра. А теперь... Домовой пригляделся и в ужасе закусил кончик длинной бороды. Из устья вместо дров торчали обгорелые человеческие ноги в кроссовках.

– Не смотри туда милушка, – шептал Борода, пряча мышь за пазуху, под бороду, но та неугомонно крутилась в его ладони.

Изуродованную печь, ставшую для кого-то могилой, увидела и Лукерья. Она истошно завопила:

– Да как же так! Да что ж такое делается!

Некому было успокоить старуху, упавшую на колени перед пепелищем, да так и простоявшую точно в молитве перед образами, пока не приехала подмога. Зашумел лес. Домовой услышал фырчанье автомобильных моторов. Из-за деревьев показалась огромная красная машина с лестницей наверху и бочкой-прицепом позади. Следом ехал жёлтый «жигулёнок». Выскочившие из огромной машины мужчины в оранжевых комбинезонах бросились к старушке. Но когда они убедились, что бабка Лукерья жива и не пострадала, снова посадили её на поваленный ствол сосны и пошли к уже сгоревшей избе.

– Поздно, сынки, – шамкала бабка Лукерья, повторяя эту фразу как молитву.

В другое время домовой испугался бы этих вонючих громадин, воняющих сгоревшей соляжкой, криков пожарных и громких голосов милиционеров. Да и не видел он на своём веку ничего подобного. Но теперь Борода сидел на сосновой ветке, как сын, и тихо подвывал шуму ветра.

«Хуже и быть не может», – думала Степанида, прячась у него за пазухой. Но она ошибалась.

Глава 2. Наказание

Множество людей суеились вокруг пожарища. Никто из них не видел, да и не мог видеть, ни домового Бороду, ни Надмирного Инквизитора, стоявшего в тени высокой сосны. Он наблюдал за происходящим без интереса и только ждал, когда наступит тишина и покой в этом растревоженном преступлением месте, чтобы начать свою работу.

Степанида вертела головой туда-сюда. С одной стороны, ей было необычайно любопытно узнать, кто виноват в пожаре, и как быстро разберутся с его причиной, а с другой стороны, она понимала, что над Бородой нависла опасность расправы. Ведь он покинул избу, чего права делать не имел! Мышь была единственным свидетелем попустительства и лихорадочно сообщала, как убережёт своего любимого.

Между тем на пепелище шёл ожесточенный спор: рыжий плотный мужчина в милицейском мундире с огромным количеством карманов не соглашался с коллегой, худым и жиденьким старичком.

– То, что вы говорите, товарищ эксперт, – повысил голос рыжий, – сушая нелепица. С ваших слов выходит, что очаг возгорания был сверху, а печь тут вовсе ни при чём.

– Так и есть, товарищ капитан, – упрямылся эксперт, – сами посмотрите. Очаг возгорания всегда там, где наибольшие разрушения. Кровля сгорела напрочь, а стены частично целы.

– Вы думаете, что повреждена проводка? – усомнился рыжий, – Тогда как объяснить, что в печи нашли наполовину сгоревшее тело? Не клеится.

– У меня пока только одна версия. Сначала тело мужчины сожгли в печи, а чтобы скрыть следы преступления, и дом подожгли.

– Что-то на крышу бросили?

Эксперт пожал плечами.

К спорящим подбежал молодой милиционер и отрапортовал, что нашёл следы, похожие на те, что оставляют женские каблуки – острые ямочки в земле, а ещё – перламутровую пуговицу и бутылку из-под ликёра «Амаретто».

– Составляйте протокол, упаковывайте улики, – махнул рукой рыжий, который был явно за старшего в этой компании.

Пожарные уехали, а милиционеры ещё долго топтались вокруг избы, но ничего интересного не нашли. Степанида не могла усидеть за пазухой домового. Она то убегала к месту преступления, рискуя быть растоптанной тяжёлыми ботинками, то возвращалась к домовому и докладывала новости. Борода нашёл себе пристанище на ветке сосны, как нахохлившийся сыч.

Наконец пожарные, милиционеры и понятые разъехались. Воцарилась смрадная от пожара тишина. Надмирный Инквизитор вышел из тени.

Борода спрыгнул с ветки и предстал перед начальством, понутив голову. В его лице читалось неподдельное горе. Степанида храбро сидела на плече домового и с вызовом смотрела на высокую тень, окутанную плащом. Голову судьи скрывал капюшон. Руки сжимали старинный меч, по лезвию которого змеились виноградные лозы. Судья не обращал на мышь ни малейшего внимания.

– За вами, домовый, два тяжких преступления. Сожжение жилища, коему сто пятьдесят лет от закладки – это раз. Человеческая жертва, которую можно было предотвратить, но попыток не предпринималось – это два.

– Как не предпринималось? – пискнула храбрая Степанида, – и шумел, и поварёшками стучал, и ставнями хлопал, и в трубу печную вопил.

– Свидетель? – без интереса посмотрел на Степаниду Надмирный Инквизитор.

– Аблакат! – гордо пискнула она.

– Доподлинно известно, что домовый покинул жилище – это три.

– Это неправда, он дома был! – продолжала яростную речь мышь, но Надмирный Инквизитор её не слушал.

– Вас не спрашивают, – отрезал он.

– У меня было важное дело, уважаемый суд, – начал Борода и тут же умолк, понимая тщетность попыток спастись.

– По совокупности преступлений назначается наказание – отсечение бороды и изгнание с хутора Кривого на все четыре стороны. Вы лишаетесь статуса домового.

– Это навечно? – пискнула мышь.

– Пока кто-нибудь не пригласит домового к себе. Но после такого преступления... – бесстрастно сообщил Надмирный Инквизитор, – это вряд ли произойдёт.

Домовой махнул рукой и встал на колени перед поваленной сосной. Бороду он положил сверху ствола. Раздался свистящий звук, от которого у домового словно оборвалось сердце. Надмирный Инквизитор растворился в тени леса.

Домовой лежал на земле, потеряв всякое желание жить. Мышь в голос рыдала, перебирая лапками курчавые отрубленные космы, упавшие на землю: «Как мне звать-то теперь тебя, суженый мой?». Борода молчал.

Потом мышь вытерла слёзы, села рядом с любимым и стала запоздало рассуждать: «Что я не так сказала? Какой довод не привела? Какие смягчения и избавления есть? Я же грызла «Уложение о наказаниях», хотя и давно... Так... Малолетство – не к месту, умоисступление и беспамятство – тоже. Ошибка или обман – не усматриваются! Принуждение, необходимость обороны? Тоже не наш случай. Значит виноват? Как есть виноват!»

Домовой встал, отряхнулся и побрёл по пепелищу. Занимался нерадостный день. Могучие стволы качались, и в шуме сосновых крон Борода слышал: «Чужак, чужак!» Журчал ручеёк, впадавший в речушку недалеко от Мокрого Камня. И в плеске звучало: «Чужак, чужак!» Ветер подгонял разжалованного домового в спину, толкал уйти: «Чужак, чужак!»

Тухлый принёс в глиняной плошке солёной икорки. Его молчаливое участие было дороже слов. Мышь хныкала, закусив кончик хвоста. Идти им было совершенно некуда. Впереди был остаток жухлого лета, долгая осень и страшная неизвестность.

Вдруг Борода остановился и прислушался. Гостей он не ждал, а с края хутора доносился шум автомобильного мотора. Пыхтя и фыркая выхлопной трубой, подъехала прежний жёлтый «жигуленок». Из него вышел тот самый рыжий. Степаниде удалось рассмотреть его получше. Это был мужчина уже не первой молодости, и если бы не высокий рост, сам бы смахивал на домового: конопатый, коренастый, курносый. В рыженькой макушке проседь, добродушная улыбка украшала простое лицо.

– Иди сюда, малышка, – ласково сказал милиционер и протянул к Степаниде толстую ладонь, – до чего на тебе сарафанчик красивый!

Мышь пискнула и юркнула за пазуху Бороды. Обсуждать с незнакомцем любимый сарафан в ромашках она явно не собиралась.

– Суседко, – неожиданно обратился следователь к Бороде, – поясни мне вот что: сколько их было, душегубов?

Борода вздрогнул и попятился.

– Степанида, он меня видит. Не шугануть ли его? – тихо спросил домовый.

– Боязно самим.

– Не бойся, Суседко, не обижу. Помоги мне, – ласково попросил следователь.

– С чего бы?

– Ты же хочешь правосудия добиться?

– Нужно мне ваше, человечье правосудие! Каши на нём не сварить, – Борода демонстративно встал у обгорелого плетня.

– А ваше, нечистое, будто бы лучше?

Степанида вылезла из-за пазухи домового и ловко взобралась следователю на плечо. Тот улыбнулся и поднял брови, выказав внимание и уважение. Степанида зашевелила усишками, прищёпывая на ухо новому знакомцу.

– У-у-у! Пройдоха! – погрозил ей Борода.

Ничего нового и необычного Степанида следователю не рассказала, только подтвердила его догадки. Разжалованному безбородому домовому места в прежнем мире не было. Но гордость не позволила бы ему задаром помогать.

Следователь хитровато усмехнулся и неожиданно разулся. Снял оба башмака. Один кинул в салон машины, а второй за шнурок проволока через весь двор, приговаривая: «Домовой, домовый, пойдём со мной в новый двор!» Второй испачканный башмак тоже закинул в салон машины... А Степанида радостно юркнула внутрь, хотя её никто не звал. И стоял теперь человек перед домовым, беззащитный и с приглашением. «Разве можно отвергнуть? Служба есть служба, закон есть закон», – подумал Борода, а для порядка сердито спросил.

– А хлеб-соль где?

– Хлеб-соль дело отплатное, – улыбнулся следователь, – печи не обещаю, полатей тоже нет, но угол найдётся. Будет что вверх дном переворачивать, найдёшь, где тень на плетень наводить.

– А что делать я буду должен?

– Сперва опишешь всё, что видел и слышал, не забудь слухи и сплетни.

– Да ничего я не видел и не слышал, от того из хутора изгнан и домового статуса лишён, – ответил домовый.

– А я-то, я-то? – забеспокоилась Степанида, – я тоже много чего не видела, но сплетни завсегда запоминаю. Борода без меня никак, я маруха его. Это тебе и наш водяной Тухлый подтвердит!

– Любовь – дело тонкое, понимаю, – со всей серьёзностью ответил следователь.

Борода угрюмо прощался с родиной, приложив волосатые ладони к автомобильному стеклу. Степанида весело сучила лапками, устраивая в машине гнездо из старого шарфа. Следователь чесал затылок, улыбаясь новой компании. По дороге познакомились. Следователь оказался Матвеем Ивановичем Матузковым, служил в должности следователя по особо важным делам, в чине капитана. Сказал, что подчинённых у него много, а толковых не хватает. Сетовал на то, что в одиночку на службе не справляется. Домовой молчал. Последние лет двадцать он жил, не слыша человеческой речи. Дом Плотниковых был полон лишь старыми пожелтевшими воспоминаниями. Непривычно было теперь говорить с человеком, принимать нового хозяина. Только Степанида была беспечна, как истинная женщина.

Старые ели прощально махали лапами. Много видел хутор Кривой, но впервые на его веку человек и нечисть объединились против бессмысленной злобы, глупой утехи и горькой беды. «Что за времена настали?», – думал Матузков, а домовый про себя повторял: «Я покинул родимый дом, голубую оставил Русь. В три звезды березняк над прудом теплит матери старой грусть. Золотою лягушкой луна распласталась на тихой воде. Словно яблонный цвет, седина у меня пролилась в бороде».

Глава 3. Знакомство с отделом

– Отчего у тебя бедность такая? Ты же государственный человек! – спросил домовой, усаживаясь на сейф в кабинете, – Пол обшарпанный, потолок в потёках. Шкаф вот-вот развалится.

– Такое уж финансирование, – развёл руками Матузков.

– Ты посмотри на табурет! – фыркнула мышь, – Сразу видно, что государство не уважает преступников. Следовательно какой-никакой стул выделили, а кандалнику что? Табурет.

– Не кресло же с подлокотниками предоставлять! – удивился Матузков.

– Кандалник сидит перед тобой униженный, бесправный и убогий. Так ещё и на табурете.

– Ну что за слова, Степанида! – погрозил пальцем следователь, – Не кандалник, а подозреваемый. Сейчас и кандалов-то нет.

Матузков уводил разговор из неприятного ему русла, но парочку с хутора Кривого не так-то просто было сбить с толку. Домовой уже облетел Кольчугинский отдел полиции и рассмотрел, как поживают работники сыска, дознания и прочие. У начальника милиции стены были отделаны морёным дубом, в центре кабинета на полу красовался рыжий коротковорсный ковёр, а кресло руководителя отливало тёмной бронзой. В штабе домового увидел обстановку попроще, но одобрил и её. А при осмотре кабинетов следователей и отдела по работе с малолетними нарушителями Борода испытал разочарование и даже недоумение. Стены этих «государственных комнат» не видели ремонта со времён постройки здания. Единственным новым предметом в каждом кабинете был портрет президента.

– Это кто? – ткнул пальцем в портрет Борода.

– У, брат... – скривился Матузков, – это наш президент. Самый главный в государстве человек. Гарант законности и всё такое.

– Ты уверен? – недоверчиво наклонила голову Степанида и, не дождавшись ответа, вскарабкалась на полочку для книг, поближе к портрету. Она пару минут с интересом рассматривала изображение главного в государстве человека: седые волосы, зачёсанные наверх и набок, маленькие раскосые глазки, крупный пористый нос, ватные щёки и безвольную линию подбородка с косой ямкой. Домовой подлетел к портрету и поцокал языком.

– Хороший портной у этого президента.

– И лекарь тоже, – поддакнула Степанида, – но всё же таки наиглавнейший человек бражником быть не должен.

– Бражником? – повторил с удивлением Матузков.

– Именно, – мышь сбежала по длинной плети вьющегося цветка вниз и прыгнула на стол Матузкову, – квасником, лотрыгой, пьяницей. Этак он пропьёт не только денежки на ремонт кабинета следователя, а всё, что ни попадётся под руку. А рука его в государственном кармане.

Следователь засмеялся.

– От государства помощи ждать... пустое дело. Для того я тебя, Борода, и взял в Кольчугинский отдел, чтобы ты тут по-хозяйски осмотрелся, прикинул, что к чему, и порядок навёл. А борода твоя отрастёт. Это невеликая потеря. Наш царь-батюшка Пётр Великий тоже боярам бороды рубил, а дух русский не выветрился.

Степанида залезла на подоконник и стала обнюхивать чахлые растения, утратившие в людской памяти латинские названия. На горшках было написано: «Матвеев» и «Никоненко». Матузков полил их под корни из пластиковой бутылки, потом ярлычок «Матвеев» отлепил, приклеил другой: «Плотников».

– Это чаво? – спросила грамотная Степанида.

– Это мои висуны, ну то есть дела нерасследованные, а с Матвеевым я определился, скоро закрою, направлю на утверждение.

Степанида одобрительно кивнула. Этот хозяйственный подход ей очень понравился, как и сам следователь Матузков. И с нечистью он был знаком, но относился без панибратства, и её вредительницей-домушницей не обозвал, а пригласил в помощники. И китель на нём был ох какой пригодный. Во множестве хаотично пришитых карманов можно было найти все блага мира: сухпайк, гребешок без двух зубьев, талисман таёжного шамана, осколок зеркала, трубку телефона, октябрятский значок и даже сберкнижку на предъявителя за 1985 год.

Потом Матузков посуровел, взглянул на часы и сказал, что зовёт его распрекрасная служба, надо отдавать долг родине и обществу. Вышел из кабинета и дверь запер, новая компания осталась осваиваться. До чего же домовому Бороде не понравилось новое место! Другого слова, кроме «мусорка», и не подобрать. Ни изба, ни терем, ни дом, ни мезонин, ни усадьба. Здание с колоннами и широченной лестницей, со множеством ходов и выходов, с подвалом и чердаком и даже потайными комнатами. Сарай, овин, баня – это не место для домового, это каждой нечисти известно. Но и общественные здания – не самое лучшее место, хотя и не запрещённое.

Борода кручинился: «Где б ни родился, а нигде не пригодился». Мышь Степанида, верная спутница изгнанника, ласково утешала: «Бородушка, любезный мой друг! Не печалься, оглядись. Беспорядок тут, а твоей кипучей натуре есть, где разгуляться, потешиться». Сама уже околесила соседние кабинеты, разжилась печеньем и сверкала сытыми глазёнками. Борода уселся на несгораемом шкафу, свесив широкие босые ступни.

– Приоделся бы, – подсказала мышь, – новое место означает новую службу, значит, и внешний вид подходящий надо иметь.

– Ни в жисть поганые погоны не надену, – недовольно и вместе с тем высокомерно ответил Борода, но сам повёл плечами и встряхнулся. Старая косоворотка его разлезлась и испарилась с глаз долой, а вместо неё появился мундир с латунными пуговицами и тёмные брюки с красными лампасами.

– И где это ты такую срамоту видел? Чисто городской. Уж коли вид возжелал официальный, мог бы и гусаром вырядиться иль каким-то гвардейцем! – возмутилась Степанида.

– Гляди, не поперхнись! – буркнул Борода, весьма довольный собой.

– У меня прям лапы чешутся! Так хоцца обежать все этажи. За неделю, поди, взором не окинешь! Эх, империя! Тебе, друг мой сердечный, такая территория досталась, а ты печалишься!

Борода оглядывался. Место ему не нравилось, но как человек служивый, должен был во всём разобраться и навести порядок. Понять бы какой? Прокуренный кабинет, облезлая мебель, портрет президента... Пожалуй, последнее было хорошо, Борода не чувствовал себя тут единственной нечистью.

– Пожалуй, ты права. Надо познакомиться с местными да известить, что прибыл хозяин.

Первым делом Борода двинулся в отдел материального обеспечения, справедливо полагая, что именно там нужнее всего хозяйская рука. Дверь отдела выглядела весомо, Борода с удовольствием произнёс: «Устойчивость к вскрытию и другим механическим посягательствам высокая». Он просочился в замочную скважину, а мышь юркнула под неплотно прибитый плинтус. Парочка была чрезвычайно довольна осмотром отдела: ряды упакованных сухпайков, ящики с тушёнкой, вода в канистрах, одеяла и шинели, палатки и спальники, и много всего такого, чему Степанида определения дать не могла.

– Сколько сырьё и материалов... – ахнула мышь.

– Какая обильная ресурсная база! Тут всё есть, – подтвердил Борода.

– Есть, да не про вашу честь! – взвизгнул кто-то из-за штабелей с палатками.

Наружу вылезла лохматая, кривая на один глаз кикимора. Она упёрла руки в боки и окинула непрошенных гостей критическим взглядом.

– Здравстье, – скромно сказала Степанида, а Борода подбоченился.

– Имею честь представиться. Я – Борода, новый домовый Кольчугинского отдела.

– Борода? – неприлично захихикала кикимора, – это разве борода? Это ошмёток какой-то, тоже мне.

– Он пострадал из-за несправедливого суда Надмирной Инквизиции, – изрекла мышь голосом, полным достоинства и укоризной. Борода нахмурился и опустил голову.

– А, да, слыхала-слыхала, – подтвердила кикимора, – а я, стало быть, Хаврошка.

– Степанида я, – представилась мышь.

– Жена евонная?

– Суженая, – уточнила Степанида.

– В общем, сразу рассадим цветочки по кочкам, – нагло заявила Хаврошка, – я прежнему домовому не подчинялась, и этому не собираюсь. Прежний был ох какой сокол, не чета тебе, Борода, ты уж не серчай. Нахожусь я в подчинении начальника отдела материального обеспечения, а с ней даже сам начальник полиции Гургунов не связывается. Так что ... Нету надо мной вашей власти. Тем более что ты, домовый, ненастоящий, а разжалованный. Так-то.

И указала на дверь. Пришлось Бороде и его подруге убираться несолоно хлебавши.

– Ах ты ж, зараза злокозненная. Я хоть и наказан гораздо, а всё ж Хозяин. Я тебе покажу, ты у меня ещё благословиться за молочком придёшь просить, а я тебя рожей в постную тюрьму макну, – злился Борода и махал кулаками, как мельница лопастями.

Никогда Степанида не видала его в таком дурном расположении духа и закручинилась. Дорожка привела парочку в топочную, которая находилась в подвале. Там на подоконнике у большого чугунного котла сидел запечник в латаном зипуне. Завидев сурового домового и его спутницу, он спрыгнул, и, шаркнув ногой, обутой в лапоть, сказал:

– Добро пожаловать, я уж заждался. Наконец-то в отделе будет порядок. Обживайтесь, не стесняйтесь. Запечник Агафон к вашим услугам.

Степанида широко улыбнулась, а Борода шмыгнул носом.

Глава 4. Присвоение звания

Степанида обжилаась в Кольчугинском отделе быстрее Бороды. Через пару дней она безошибочно ориентировалась в трёхэтажном здании, которое расположилось в самом центре Кольчутино.

Мышей, разумеется, там водилось немерено, но Степанида не думала о них и встреч с собратьями не искала. Ей было важно знать, сколько тут нечистых, и как они настроены к новому Хозяину.

Конечно, Бороде нужно кому-то служить и привыкать в новом доме, но как выполнять долг домового, если ты не завоевал авторитета у нечисти? Степанида чувствовала, что Матузков подозрительно хорошо разбирается в нечистом деле, но рассказывать, что к чему, явно намерений не имеет, подталкивая Бороду к самостоятельности.

«Мы и сами с усами», – решила Степанида. Три этажа вверх да полуподвал вниз – на неделю нетщательной разведки. После каждой вылазки из кабинета Степанида суммировала информацию, делала выводы и докладывала обо всём суженому. Пока Борода сидел на металлическом нестораемом шкафу, свесив ноги в худых лаптях, дёргая остатки роскошной некогда бороды, Степанида обживалась и знакомилась. Кроме кикиморы и запечника в отделе обитал Мехмед. Он служил банником и не выказал желания общаться. Мехмед был поумнее Хаврошки, не хамил, но произнес с восточной хитростью: «Видно будет, что за хозяин».

А ещё она радовалась сытному и тёплову жилью. Милиционеры в отделе быстро узнали, что Матузков завёл себе дрессированную мышь. Они частенько заглядывали в его кабинет и приносили Степаниде разное угощение. Несмотря на это Степанида не могла избавиться от голодной привычки копить. Огрызки, ошкурки, крошки – всё это богатство требовало проверки и учёта. Можно, было слопать вкусное за один присест, но мышь помнила о безрадостном житье на хуторе Кривом, где корки хлеба в пустом доме было не сыскать.

Однажды за пересчетом запасов её застал незнакомый тучный мужчина в опрятном серосинем кителе. Он по-хозяйски вошёл в кабинет Матузкова, снял форменную фуражку с красным околышем и огляделся. На вид мужчине было не больше тридцати пяти. Был он лощёный фронт: форменные туфли блестели от свежей ваксы, на рукавах белоснежной рубашки блестели круглые запонки с гербом. Круглое улыбающееся лицо располагало к себе любого собеседника, ибо было начисто лишено хитрых морщинок, вредных конопушек и других отметин язвительного человека. Вошедший тонким платком вытер вспотевший лоб.

– Здра жла, товарищ подполковник Гургенов!– поприветствовал начальника милиции следователь Матузков и приподнял зад, но с кресла не встал.

Мужчины пожали руки друг другу через стол, и Гургенов сел напротив. Он потянулся за графином и стаканом, шумно налил тёплой воды и выпил.

– Ну и жара, Матузков, надо тебе кондиционер. Пиши рапорт, нам четыре штуки привезли. Пока не расхватали, пиши.

– Обойдусь, – добродушно ответил следователь, – я в кабинете один, а у девчат в штабе толкучка. К ним лучше установите.

– Как это один? – улыбнулся Гургенов, – говорят, что у тебя помощница завелась, хвостатая. А?

Матузков смутился. Он уже знал, что младший лейтенант Берёзкин из дежурной части растрезвонил по всему Кольчугинскому отделу, что капитан в своём кабинете мышей от скуки дрессирует.

– И где же это чудо природы? – не унимался Гургенов, наклоняясь то вправо, то влево, рискуя развалить кресло.

– Тута я! – пискнула Степанида, решившая взять удар на себя, раз Матузков трусливо отмалчивался.

Она выскочила из-за сейфа, резво вскарабкалась по штанине следователя и очутилась на столе прямо перед начальником отдела.

Гургунов от восторга хлопнул в ладоши, словно ребёнок.

– И, правда, чудо! А разве бывают такие?

– Какие такие? – досадливо крякнул Матузков, не ожидавший от мыши прыти. Отвертеться ему теперь не удастся, да ещё и влетит от начальства.

– Ну, такие... Славные и говорящие!

– И пушистенькие, – скромно потупилась Степанида.

– И пушистенькие, – эхом повторил Гургунов, качая головой.

– Место тут у нас непростое, – начал витиевато врать Матузков, – Кольчугино – город древний, кого только не встретишь. В общем, завелась. Шустрая, неглупая. Звать Степанидой.

– Конечно, она миленькая, – кивнул Гургунов, поднимаясь из кресла, – но и работать, товарищ капитан, надо, а не только мышей дрессировать. Вот, дело Плотникова как продвигается? Третий день пошёл, что по горячим следам удалось установить?

Матузков развёл руками.

– То-то, – погрозил перед мышью указательным пальцем Гургунов, словно во всём была виновата только она.

– Расследуем, отработываем версии, – бодро отчиталась мышь.

– Смотри, товарищ капитан, в конце квартала проверка. Не подведи. Вынь мне и положи сюда убийцу Плотникова. Дело резонансное.

Матузков вскочил и шутовски отдал честь.

– Эх, к пустой голове руку не прикладывают, – погрузился Гургунов и поднялся из кресла, – и толку от мыши... Игрушка только.

Степаниде это очень не понравилось, и она решила вступить за себя и за Матузкова.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться.

Гургунов стоял уже у двери, намереваясь выйти из кабинета. Мышиный писк удивил его, и он обернулся и улыбнулся снова.

– Ну, обращайся, мелкая лейтенантка.

– Нас, мышей, напрасно недооценивают современники, – начала лекцию Степанида, – у народов древнего Средиземноморья общеприняты представления о прорицательном предназначении мышей и их хтоническом происхождении.

– Кто? Что? – переспросил Гургунов, явно не ожидая такой лекции.

– Ну... – замялась мышь, – многие цивилизации считали, что мыши имеют сакральный смысл и ...

– Польза от вас есть? – прервал Степаниду Гургунов.

– Несомненная!

– Служи!

Гургунов хлопнул дверью и оставил обитателей кабинета Матузкова в молчании.

«Я бы могла рассказать, как мы погоду предсказываем, смерть, разрушения, войну, мор, голода, и болезни, – бурчала мышь, забираясь обратно за неогоримый шкаф, – но никто нас не воспринимает всерьёз. Мелкой лейтенанткой называли, а, небось, в табели о рангах такого и чина не сыщешь».

Матузков мог бы объяснить Степаниде, что теперь вместо табели о рангах теперь действует система классных чинов, но Степанида уже скрылась из виду и нарочито шуршала. Домовой материализовался на сейфе и пристально посмотрел на Матузкова. Что-то было не так. То ли ветер зашумел за окном, предвещая ранее похолодание и отлёт журавлей. То ли Гургунов как-то легко разрешил всякой хвостатой хтони разгуливать по отделу.

– Иваныч, – осторожно шепнул домовой, – что-то не то. Отчего Гургенов не только слышал, но и понимал Степаниду? Отчего ты тоже с ней общаешься, а Берёзкин, скажем, нет?

Матузков пожал плечами, вместо него ответила мышь. Она шустро выскочила из-за сейфа и вскарабкалась по штанине следователя на стол.

– Со мной не то? Меня только что в мелкие лейтенантки произвёл самолично начальник милиции. Попрошу с уважением относиться.

– Тихо-тихо, – ласково погладил Матузков её по спинке, но Степанида не унималась.

– Разобраться тут со всеми надо. Кто тут нечисть, а кто служит бескорыстно, и... и... Вот дадут мне посмертный орден... Узнаете тогда!

Скупая мышьяная слеза скатилась на ромашковый сарафан. Домовой потупился. Матузков не стал отвечать на обвинения Степаниды. Он подпёр кулаками подбородок и устремил свой взгляд в окно. Там качались верхушки тополей, над ними плыли кучевые облака, а запад темнел и предвещал непогоду. Наверное, неуверенность домового в завтрашнем дне, постепенно передавалась и ему, опытному следователю.

Глава 5. Появление Полупуда

В сердце каждого жителя кабинета Матузкова жила тревога и неуверенность. Домовой не мог понять, правильно ли он поступил, поселившись в отделе милиции, будет ли от него польза, не выгонят ли отсюда его поганым веником как нашкодившего кота. Матузков был загружен мелкими делами, точно ему специально не давали заниматься делом Плотникова, и от того досадовал и кручинился. А для Степаниды тревога имела вполне конкретный характер и материализовалась в виде приبلудного кота.

Он поселился в отделе почти одновременно с Бородой и мышью. Притащил его с улицы участковый Берёзкин, и спокойному житью мелкой лейтенантки пришёл конец. Поначалу кот шарахался от каждого милиционера или нарушителя, встреченного им в коридоре. Потом понял, что обижать его тут не собираются. Каждый жалел котяру, прикармливал. И уже к концу месяца облезлый помойник превратился в лоснящегося мурлыку и получил кличку Полупуд.

– Как жить дальше... – причитала мышь, услышав всякий раз, как котяра ходит туда-сюда мимо двери кабинета следователя Матузкова, – Слышишь, когти поганые цокают? Это Полупуд на охоту вышел.

– Что ты, Степанида, – смеялся Борода, – разве с таким шумом и пыхтеньем охотятся? Это он силу свою демонстрирует и безнаказанность.

Степанида пожаловалась следователю, но тот был слишком занят расследованиями, чтобы вникать в проблемы мелкой лейтенантки.

Поняв, что Матузков ей не помощник и над котами не начальник, мышь решила пожаловаться на Полупуда полковнику милиции Гурганову. И хотя Степанида боялась забежать в его кабинет, страх перед котом был сильнее. Улучив момент, когда Гурганов вернулся с планёрки, она вбежала следом, забралась на стол и храбро пискнула.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться.

Гурганов широко улыбнулся.

– Обращайся, товарищ мелкая лейтенантка.

– Разрешите спросить, на каком основании в нашем отделе обретается кот. Рыжий, огромный, зовут Полупуд.

Гурганов снял фуражку и вытер бритую голову клетчатым носовым платком. Так он раздумывал и тянул время.

– Ежели он не на государственной службе, то надоть его спровадить, потому как находиться посторонним в отделе никак не полагается, – продолжила осмелевшая мышь, – непорядок наблюдаю.

– Да... Порядок должен быть во всём, – улыбнулся Гурганов, – но не выгонять же в зиму котика на улицу? К тому же он такой милый, всему коллективу отдела повышает настроение.

Это была катастрофа! Степанида вернулась в кабинет следователя, достала носовой платок и приготовилась плакать, с домовым это всегда прокатывало. Но почти следом вошёл Матузков, держа на сгибе локтя кота. Полупуд удобно устроился, свесив свой поганый хвост и сощурился. Матузков гладил его по холке. Степанида вскарабкалась на полочку с кодексами и картинно вздохнула. «Вот предатель!» – подумала она о своём начальнике.

– Степанидушка, смотри, какой он милый, – ворковал Матузков, – к тому же он сказал, что вовсе не собирается обижать тебя. Все должны жить мирно. Так?

Полупуд то ли мурлыкнул, то ли буркнул. У Степаниды не было оснований верить котяре. Домовой материализовался на сейфе. И хотя он любил подшучивать над суженой, тут он заметил неподдельную тревогу, и решил вступить.

– Полупуд, раз уж ты пришёл в мой кабинет, то настала пора нам сурьёзно потолковать, – сказал домовый. Степанида кивнула с довольным видом и устроилась на коленке Бороды, зорко наблюдая за всеми движениями котяры. Тот хитро поглядывал на Степаниду и домового в полглаза, а следователь хмыкнул, услышав слова «мой кабинет».

– Мурр, – ответил кот.

– Полупуд, – повысил Борода голос, – вся нечисть в отделе подчиняется мне и живет по «Наставлениям для порядочной домовый нечисти». Коты, как известно, к ней тоже относятся. Потому мои правила такие. Шатайся, где хочешь, но выше второго этажа не поднимайся. Тут обитает следственная мышь.

– Мурр, – ответил кот, спрыгнул на пол и потянулся.

Степанида не поняла, что именно он имел в виду и храбро продолжила слова домового.

– Я вот расследую преступления. А какую пользу приносишь ты? Даром ешь казённый хлеб!

– Я для крррасоты, – ответил кот и перевернулся на спину, умильно поджав лапки, – и всем нравятся мои песенки, муррр.

Вдоволь навалявшись по полу, он отряхнулся, высоко задрал хвост и неспешно покинул кабинет. Домовой и мышь переглянулись, вот уже второй негодяй в отделе праздновал победу над Хозяином. Этого так оставлять не следовало. Матужков с улыбкой смотрел на мелкую лейтенантку и домового, точно не считал проблему такой уж важной.

Домовой приуныл, а Степанида пощекотала его ухо усиками и сказала:

– Есть идея, как пристроить Полупуда к делу. Ему в скорости не до нас станет.

Мышь подвинула к себе лист бумаги, чернильницу и принялась писать хвостом рапорт Гургенову. Степанида очень старалась, самоотверженно пачкаясь чернилами и рисуя завиточки на заглавных буквах. Она могла бы и карандашом нацарапать текст, но из-за вредной привычки всё грызть, боялась не закончить важного дела. Степанида вспоминала казённый язык деловых бумаг, которым писали все сотрудники в отделе, и старалась не ударить усатой мордочкой в грязь перед начальством.

«В виду оптимизации кадровой работы предлагается направить кота Полупуда для прохождения службы в отдел по борьбе с малолетними нарушителями. Во избежание роста правонарушений и в целях воспитания чувства доброты предлагается чтение Полупудом народных сказок, разучивания стихов и песен с подростками, а также профилактическая глажка по спине с последующим умиротворяющим мурлыканьем. Поставить Полупуда на довольствие в звании рядового, с испытательным сроком в месяц. О результатах работы спрашивать по всей строгости закона».

Степанида перечитала и задумалась. Фраза «По всей строгости закона» была идеальной. А вот «чувство доброты» совершенно не вязалось к делу. Степанида со вздохом вычеркнула лишнее и дала прочесть Бороде. Тот посоветовал заменить «подростков» на хулиганов, но Степанида воспротивилась и дала прочесть Матужкову. Тот остался доволен и поставил свою подпись.

– Это для соблюдения принципа субординации.

– Чегошеньки? – захлопала глазами Степанида, услышав восхитительно новое канцелярское слово, и повторила его шёпотом.

– В милиции такой порядок. Мелкая лейтенантка подаёт рапорт капитану, а уж я – начальнику милиции. Я над вами Старшой, он – надо мной. Ну и что, что Гургенов у нас мягкотелый? Рапорт – бумага казённая, реагировать придётся. Правильно действуешь, Степанида, у нас в милиции только так: один другого подсиживает, подставляет и подкузывать стремится. Так что ты приживёшься тут.

«А я?» – подумал домовый, но вслух не спросил. Он вёл унылый счёт своим промахам. Неделю он болтался в Кольчугинском отделе, а нечисть себе не подчинил, авторитета не зара-

ботал. И не только потому, что дурная слава об отрубленной бороде долетела за ним из хутора Кривого. Причиной был простой в деле Плотникова.

– Матвей Иванович, что у нас с расследованием пожара? – вскинул на следователя грустные глаза Борода, – что-то я кручинюсь от безделья.

– Сегодня будем допрашивать свидетеля, – ответил Матузков.

Глава 6. Бесполезные свидетели

Свидетелем оказался шуплый парнишка лет восемнадцати, вертлявый и нервный. Он не смотрел Матвею Ивановичу в глаза и на все вопросы юлил: «Не помню, не знаю, давно Витю не видел. Даже не в курсе, что он убит». Домовой наблюдал за допросом с высоты несгораемого шкафа и удивлялся спокойствию Матузкова. Борода не показывался свидетелю на глаза, потому что от Старшего не было на то команды. Через полтора часа от начала допроса, когда все методы уговоров, включая угощения сладким чаем с шоколадными батончиками «Марс» и двумя сигаретками «Ротманс Роял» были исчерпаны, Матузков внимательно посмотрел на домового и едва заметно кивнул ему.

Борода появился в виде густого серого облака. Оно расплзлось по потолку и нависло над парнишкой.

– Видите, гражданин Пастухов, какая аура в кабинете стала? – указал пальцем на потолок Матузков, – а всё от ваших ложных показаний.

Пастухов расплылся в недоверчивой улыбке. По всему его виду было понятно, что фокусам следователя он не доверяет и правду говорить не собирается. Облако сгустилось, приняло форму увесистой дубинки и с размаху опустилось на голову свидетеля. Тот вскочил и заметался по кабинету, а дубинка наносила чувствительные удары то по одному уху, то по другому. Пастухов обхватил голову ладонями и по-пороссячи взвизгивал. Матузков наслаждался зрелищем. Когда бегать между стульями и столами свидетелю надоело, он рухнул перед следователем на колени и запищал хуже мышки: «Дракона боюсь! Потому и не буду показания давать, хоть убейте». Матузков махнул рукой, и домовый вернулся под потолок. Пастухов покосился на угрожающе нависшее облако, только и ждавшее момента напасть и отдубасить.

– Какого такого дракона? – сдвинув брови спросил следователь.

– Бабки с хутора говорят, что Витьку дракон спалил живьём. Потому и боятся все рассказывать, что да как.

– А что да как? – подмигнул Матузков.

– А то, что Витька Плотников к вам стажёром устраиваться ходил, в милицию. И почти сразу же после этого дела он и погиб. Наверное, попал в лапы мафии. Известное дело, кто в милиции работает – оборотни в погонах...

С тем и отпустили свидетеля, погрузившись в глубокую пучину непонимания.

– Какая мафия, какие оборотни, какой дракон? – досадовал Матузков.

Домовой дёргал ошмётки бороды и с невыразимой печалью смотрел на Старшего. Тот барабанил пальцами по столу. Нервная мышь грызла карандаш.

– А ведь Плотников и вправду стажёром к нам устраивался, я у Берёзкина узнал. Аж два дня проработал, пока его не... – протянул Матузков, не переставая барабанивать по столу.

– Оборотня изловить нам будет непросто, – подтвердил Борода.

– Ты их можешь почуять? – с надеждой спросил Матузков, и домовый покачал головой.

– Токмо пакости мелкие могу делать, а силушку мою инквизиция отрубила.

– Разве бывают оборотни в виде драконов? – удивилась Степанида.

– Кто их знает, – протянул Борода и тут же вскинулся, – а разве не ты драконьи крылья видала агроменные. Ну, тогда над хутором? В тот злополучный день.

Мышь кивнула, а Матузков прищурился.

– А вот это уже интересно.

Мышь рассказала то, что и раньше Бороде. Видела она не крылья, а тёмную тень на земле от них. Вверх голову поднять боялась, побежала прочь от избы позвать на подмогу домового. Прокую от её слов было немного.

– А мои показания будут в протоколе?

От любопытства мышь вытаращила глаза и умильно сложила лапки, но Матузков её разочаровал.

– Не положено. Ты же в моём подчинении числишься, на оперативной работе.

Это пояснение Степаниде очень понравилось. От него не пахло дискриминацией, ведь Матузков подчеркнул её особый статус в отделе.

– Меня лучше допроси, – хмуро сказал домовый, – тебе расскажу то, что мне Тухлый сообщил. Про милицескую машину, белую, с синей полосой на боку. Видел он её аккурат перед тем, как спалили мою избу.

Матузков покачал лохматой головой: «Ой, беда». Его рыжие нестриженные космы торчали над ушами, и Степанида подумала, что так бы выглядел старшина домовых, если бы он существовал на самом деле.

– Своих ментов тоже будешь допрашивать, али как? – без всякого ехидства спросил Борода и получил ответ.

– Никуда не денешься. Служба службой, а табачок врозь.

Весь день до вечера в кабинет Матузкова приходили лейтенанты, прапорщики и старшины. У Степаниды в глазах замелькало от милицеских мундиров, а все лица – весёлые или суровые, непонимающие или хитрые, слились в одно простодушное лицо участкового Будкина. Матузков сначала от руки заполнял бланки протоколов допроса, но потом быстро понял, что показания в них будут одинаковые: «Не знаю, не был». Он включил компьютер и стал шустро печатать тремя пальцами. Работа пошла быстрее, но мигнул электрический свет и погас. В отделе стало темно. Матузков не успел распечатать на принтере все файлы. Он покрутился, потоптался и махнул рукой со словами: «Завтра доделаем эти формальности». А по существу доделывать было нечего, никто не признался в поездке с Витей Плотниковым на хутор Кривой. По документам служебная машина числилась за Берёзкиным, а Гургенов пояснил, что целый день участковый был с ним, на школьном празднике «Весёлые старты».

– Кто-то брал втихаря машину и не признаётся? – вопрошала в пустоту Степанида.

– Может, кто-то свою машину за милицескую выдал? На белом борту синяя полоса... Это не сложно выкрасить, – рассуждал домовый.

– А для чего, Борода? – изумился следователь.

– Чтобы доверия у народа к милиции не было, оборотнями в погонах всех выставить.

– Подумаю, – буркнул Матузков, но версию свою не высказал и ушел домой, распрощавшись с командой.

Электричество появилось только к утру, и принтер зажужжал. Борода от страха подлетел к потолку. Из громоздкого пластикового агрегата, к которому были подключены проводки от компьютера, доносился ритмичный визг и зубовный скрежет.

– Свят, свят, – пробормотал домовый.

Матричный принтер шустро печатал отложенные документы протоколов допроса. Аппарат работал, немного подрагивая. Степанида от первобытного ужаса забилась за горшок с «Никоненко», Борода завис над агрегатом. Вскоре принтер умолк, несколько жёлтых листков, выползли из его нутра и безжизненно застыли.

– Батюшки светы, царица Савская космоногая! – прошептал Борода, – Ну-ка, Степанида, ты у нас грамотная, читай.

Степанида боязливо вылезла из-за «Никоненко» и схватила листки.

– Почти одинаковые! – провозгласила она, разложила добычу на столе и резво пробежалась по ним.

– Ну! – грозно спросил Борода, прыгивая к ней.

– Чертова машина! – безапелляционно сообщила Степанида, – выдаёт чистую брехню. «Я, Берёзкин Вячеслав, пятнадцатого июня сего года в жилище Плотниковых на хутор Крутой не приезжал, с Виктором Плотниковым не дрался. О поджоге дома Плотниковых мне ничего не известно. Я, Суматохин Валерий, пятнадцатого июня сего года в жилище Плотниковых на хутор Крутой не приезжал, с Виктором Плотниковым не дрался. О поджоге дома Плотниковых мне ничего не известно». И так далее. Везде!

– Мало того, что брехня, так ещё и в печатном слове! – схватил домовый листки и стал драть их в мелкие клочки, – кто-то же из вас приезжал, собаки окайнные! В ухо бы этим брехунам плюнуть, чтобы с кровати с утра не могли встать!

Степанида вздохнула. Шибко ей не нравилось, когда друг её сердечный в неистовство входил.

– А скажи мне, Степанида, как такая чертова машина может помочь справедливому следствию? Я так рассуждаю, что раз она ничего не видала, что в доме у Плотниковых происходило, то никак уж не должна выдумками своими честных людей в искус вводить. Ты – единоличный свидетель, как всё происходило на хуторе. А меня следователь Матужков в отдел привёз для помощи, считай, что на должность приставил.

– Что делать думаешь? – осторожно спросила мышь.

– И нечего сомневаться. Надо энту чёртову машину изничтожить.

Сказано – сделано. К приходу Матужкова домовый навёл порядок в кабинете. Раз следователь Бороду к делу определил – стесняться тут нечего.

Наутро Матужков в прекрасном расположении духа явился на работу. Но в кабинете он увидел то, что поразило его в самое сердце. Оставалось лишь развести руками, оглядывая побоище.

Довольный произведённым эффектом Борода сидел на несгораемом шкафу и лыбился щербатым ртом. Все проводки чёртовой машины были заботливо перегрызены Степанидой, а огрызки разложены на столе рядком, по убыванию их роста. Выданные из корпуса принтера кнопки лежали горкой, сверху красовался откушенный штепсель. Печатающая головка и подающий валик были извлечены домовым из корпуса и отправлены в мусорную корзину.

– Та-а-а-ак! – не нашёлся сказать ничего другого Матужков и плюхнулся на стул.

– Славно поработали, можно отдохнуть, – отчиталась Степанида.

– Потому как ты человек доверчивый и всякий обмануть тебя запросто может, мы решили положить конец вранью. Кто-то из сотрудников милиции и есть дущегубец проклятый, а никакой не порядочный гражданин. А на государственной службе безобразиям не место. Ты человек мягкий, душевный, без нас на такой шаг бы ни в жисть не решился, – оглаживая ошметки отрубленной бороды, сообщил домовый.

– Спасибо... – протянул Матужков в растерянности.

– И не благодари, это только начало, – заверила его Степанида.

Глава 7. Подвал ИВС

Степанида кручинилась, что домовый никак не может утвердить свой авторитет. Он почти не выходил из кабинета следователя, изредка лишь попивал чаёк в компании запечника Агафоши. Эдак авторитеты не утверждают.

– Голубь мой, – льстиво начала как-то мышь, – сдаётся мне, что в подвальном этаже тоже может какая-нибудь нечисть обитать. Мы только с первого по третий здание околесили. А подвал?

– Небось мыши там, гнусь амбарная, – ляпнул Борода да вовремя спохватился.

Мышь сделала вид, что не слышала. В избирательности её слуха и был секрет их счастья с Бородой. Степанида направилась напрямик к Матузкову, который только что вернулся с планерки, злой и рассерженный. Ему снова напихали новых дел, по которым нужно было проводить неотложные следственные действия.

– Матвей Иваныч, – ласково спросила Степанида, – а что за подвал в нашем здании?

– ИВС там. Хулиганы, бродяги, пьяницы и прочая шантрапа, – ответил и рассеянно погладил мышку по спинке, а сам убежал по делам.

Загадочная аббревиатура Степаниде раньше не попадалась, но мышь решила свою необразованность не демонстрировать. Уронить собственный авторитет для Степаниды было равносильно ущербу статуса домового. О том, что такое ИВС она решила узнать от кикиморы, с которой неожиданно сдружилась, хотя это было поперёк мнения домового.

Что у них было общего? Да ничего! Степанида – пушистая, опрятная, Хаврошка – растрёпанная, одноглазая. «Жизнь у меня такая беспросветная, – пожаловалась Хаврошка как-то, – от того и обличность неказистая. Кабы мне мужской ласки да домашнего уюта... И на моём сарафане ромашки бы цвели».

Степанида зарделась, но о своём непростом мышьином счастье рассказывать не стала. Не солидно это.

Каждую свою вылазку в отдел материально-технического обеспечения Степанида описывала Бороде в красках. Домовой комментировал немногословно, но к сведению принимал.

– Шинельную ткань привезли, семь тюков. Четыре списали на брак и порчу. Кикимора помогла начальнику отдела снабжения оформить. А из остатного пошьют кители.

– Сушие вредители, – изрёк домовый.

– Сегодня трёх беспризорников привели. Пока документы на них составляли, у инспектора пропали пятьсот рублей и польская губная помада. Дети – наше будущее.

– Такого будущего нам не надо, – переиначил домовый старинную поговорку

– ОБХСС обнаружили подпольную лабораторию, какие-то негодяи водку делали. Милиционеры сказали, что на вкус эту водку вообще не отличишь от магазинной, даже лучше.

– Чертячий хлеб, отравя!

Степанида всячески стремилась показать Бороде, что и за дверями гостеприимного кабинета следователя кипит жизнь. И в ней даже разжалованный домовый может найти себе занятие. Но вот об ИВС рассказывать она суженому не стала.

– Страшное это место, – поведала ей Хаврошка замогильным голосом, – там сидят преступники, ужась какие опасные. Нет с ними сладу, оттого определили их в кандалники. Кто в магазин залез, кто старушку ограбил, а кто и вовсе убивец.

– Страсти какие! – шепнула испуганная мышь, – а нечисть там есть какая или милиционеры с ними сами справляются?

– То-то и оно, что нечисть там похуже кандалников, – вытаращила свой единственный глаз Хаврошка, – вурдалаки одни. Клыки – во!

– А как же Гургенов допустил вурдалаков в отдел? – удивилась мышка.

– А они ещё до него были, при прежнем начальнике милиции. Завелись – не вывести.

– Наверное, у них договор какой с Гургеновым... – подумала вслух мышь, вспомнив, как они поделили с Полупудом территорию.

История, рассказанная кикиморой, была очень интересной, но выглядела не слишком правдоподобно. Мышь очень хотела проверить её сама, но немного побаивалась. Вот если бы Матужков её туда сопроводил или Борода... Другое дело.

Степанида вернулась в кабинет и не обнаружила там своего суженого.

– И где ж мой голубь? – спросила она Матужкова.

– Прогуляться вышел. Все и так знают, в отделе поселился домовый. Хотя и разжалованный, но всё-таки по старшинству звания над кикиморами, печниками и банником поставлен. Как старшина над ефрейторами. Пусть окинет владения мудрым взглядом, – пошутил следователь.

Степанида вздохнула. Она ждала любимого до вечера, потом поняла, что милый не вернётся. Матужков собрался домой. Закрывая папки с бумагами, складывая их стопками в сейф, он ненароком бросил: «Одной тебе ночевать. Бедняжка. Хочешь в карман?» Мышь кивнула и всхлипнула. Со стороны Матужкова это была невиданная щедрость. Если Степаниде разрешили провонять китель мышиным духом, значит, ситуация критическая. В кармане в эту ночь спалось плохо, хотя раньше среди катышков и ниточек, обрывков бумаги, раскрошенных папирос мышке всегда было уютно. В эту ночь Степанида не слышала никаких звуков и только под утро поняла почему: слишком гулко стучало её страдающее сердце. Борода появился ближе к обеду следующего дня. Он был задумчив и мечтателен. Рассеянно погладил Степаниду волосатой ладонью и выпил пол-литровую кружку чая. Мышь успокоилась: видно, хозяин обдумывал масштабы предстоящей работы. Преобразить казённый дом в уютное жильё – задача не из лёгких, как из савана кроить распашонку. Матужков ничего у Бороды спрашивать не стал. Ухмыльнулся только, когда домовый снова засобирался в дорогу.

– Подремал бы... – намекнула Степанида.

– Некогда, – буркнул Борода как-то неласково.

Ночь Степаниды снова прошла в кармане кителя, хотя в этот раз приглашения не поступало. На душе было беспокойно. На другой день повторилась история: Борода вернулся к полудню, наскоро перекусил, выпил чаю, переменял мундир на косоворотку и вычистил сапоги гуталином. Это очень не понравилось Степаниде. В особенности она была недовольна немногословностью своего любимого и его уклончивым взглядом. Борода выглядел устало, веки набрякли, а брови закустились.

– Что с тобой, голубь мой сизокрылый? – ластилась Степанида, но Борода лишь хмурился и молчал.

Когда же любимый собрался на вечерний обход владений, мышь решила дознаться, куда и зачем он так торопится. Подождала недолго и пустилась по следу. Домовой свернул в конце коридора и загромыхал сапогами по лестнице. Здание успело опустеть, отлучка начальника милиции выгнала и сотрудников домой пораньше, только в ИВС скучали дежурные. Туда, в подвальное помещение и спешил Борода, почти переходя на бег.

То, что домовый выкруживает вниз по лестнице в подвал, Степанида поняла сразу. Он не задерживался на пролётах, проскочил этаж штаба, прошёл мимо комнат подразделения по делам несовершеннолетних, мимо отдела дознания. А там был ох какой беспорядок: мяучил Полупуд, закрытый в кабинете, метались тараканы в поисках сухарей. Нет, Борода даже не взглянул на паутину и пыль, на отвалившуюся штукатурку в коридоре, на заляпанные чем-то

противно-зелёным стены. Он бежал, утирая пот со лба ладонью. Степанида семенила следом, поскрипывая от злости зубами.

«Точно он в карты с кандальниками играет, вспомнил старый грех. Помню, как он водяному Тухлому чуть было избу не продул», – пришло на ум Степаниде, и она вознамерилась выяснить всю подноготную ночных путешествий Борода и положить конец безобразиям.

Внезапно возле толстой железной двери с множеством запоров она обнаружила, что след домового простыл. Ни слуху, ни духу. Степанида заметалась на бетонном полу, покрытом обрывками жёлтого вонючего линолеума. Громкий мужской хохот оглушил Степаниду и напугал. Она бегала взад-вперед, потеряв ориентацию.

– Мыши обнаглели, ты смотри, пешком ходят!

– Э, какая цаца. Да ещё и в платишке! Никак дрессированная.

– Кажись, это Матузкова мышь. Не дай бог, мы её ухайдакаем, он нас загнобит...

Степанида почувствовала, как её нежное тельце сжали точно клещами грубые человеческие лапищи. Очнулась она только у кабинета Матузкова, когда поняла, что сержант притащил её на третий этаж. «Вот тебе и гостеприимный отдел... – подумала мышь, устраиваясь спать в кармане кителя следователя, – не раздавят, так задушат».

Конечно, утром блудный домовый не признался, куда ходил и чем занимался. Он отворачивался, уклончиво хихикал и напускал в разговоры туману. Мешки под глазами стали темнее, а лицо словно схуднуло. Вдобавок Степанида учуяла от любимого терпковатый и слегка сладкий запах, который никак не могла распознать. С целью идентификации Мышь пробежала по всему отделу, перенюхала чахлые комнатные цветы на подоконниках и шкафах. Герань, азалия и фиалка пахли слабо и монотонно. От косоворотки домового веяло смесью амбры, мускуса и ванили. «Точно, это духи», – не побоялась признаться себе Степанида. Было ясно, что домовый ударился в загул.

За объяснениями мышь двинулась к кикиморе. От Хаврошки несло прокисшими щами, да и не таков был Борода, чтобы с курносой связываться, но почему подруга прятала глаза. После допроса с пристрастием кикимора призналась, что видала, куда бегают вечерами Борода и как туда проникнуть, только предупредила, что компанию Степаниде не составит, поскольку очень уж боится вурдалаков.

– Кого-кого?– вскинулась Степанида, приложила лапки к мордочке и села на хвост.

– Уж такие страшные! Я тебе ж про них говорила. Цюцюрко, Нэпыйпыво да Убывбатько. Усатые, на бритых головах оселедцы, а кулачищи – пудовые.

– Что же Бороде делать с такой компанией? – изумлялась Степанида.

– Не с ними, – уклончиво ответила кикимора и, переходя на мову, добавила, – це охрана, захистники.

– Кого же они охраняют? – почти шёпотом спросила Степанида, но ответа не услышала.

Когда стало смеркаться, Борода засуетился. Мышь притворялась, что готовится ко сну. Свила из носового платка гнездо на сейфе, натаскала себе хлебных крошек со словами: «На пустое брюхо сон нейдёт». Домовой улизнул в замочную скважину, а Степанида потрусилась за ним. Теперь уже она не отставала, по сторонам головой не вертела. Её усы воинственно вздыбились, хвост стал крепким, как гитарная струна. У двери изолятора Борода на миг задержался, но потом просочился в незаметную щель у дверного косяка, замаскированную плохо прибитым плинтусом. Оттуда тянуло... смесью амбры, мускуса и ванили.

Степанида протиснулась следом, и сразу же перед ней встали стеной три мордовороты. Глаза их недобро светились, а из ухмыляющихся пастей торчали острые клыки.

– Вот что, молодцы-подлецы, пропустите меня. Я по важному делу.

– Зьимо и нэ подавымося! – сказал тот, что справа.

– Та тут и исты ничего! – подхватил тот, что слева.

– Колы спиймав мыша трэба жуваты поволи, – хмыкнул тот, что в середине.

Степанида ловко прошмыгнула между ногами самого толстого и очутилась в коридорчике, который вёл мимо камер. Три мордоворота затопали за ней. Они ухали и хлопали ладонями, не столько пытаясь поймать разведчицу, сколько поднимая шум. Степанида бежала вперёд, чуя усиливающийся аромат, пока не увидела приоткрытую дверь и шмыгнула в полумрак.

– Бородушка, яхонтовый мой, – пропел ласковый голос, – чую я, мышьим духом пахнет.

Перед глазами Степаниды открылась невиданная картина. На коленях разомлевшего домового сидела девица в синем сарафане и алом кокошнике. Её чёрная коса змеилась по высокой груди, а белые руки обнимали тощую шею Бороды.

– Разлучница проклятая! – пискнула Степанида и ринулась к милующейся парочке.

Девица взвизгнула и проворно спрыгнула с колен домового.

– Что же вы, олухи, дверь не охраняете? – совсем не нежным голоском, а мощным басом крикнула она мордоворотам-упырям.

– Вид кого охраняют? – спросил тот, что слева.

– Мыша звычайна, – продолжит тот, что справа.

– На одну долоню покласты, иншою зачиныты... – завершил тот, что в середине.

– Вот я и приказываю вам: прихлопнуть её, чтобы мокрого места не осталось! – девица топнула ногой.

Борода водил бессмысленными глазами по сторонам и глупо улыбался.

– Ах ты, ведьма поганая! – пискнула храбрая Степанида, – А ты, Борода, тоже хорош, неужто не видишь, что перед тобой самая обыкновенная упыриха!

– Вздор! – захохотала девица, попеременно обращаясь то в валькирию, то в обнажённую Еву с яблоком в руке, то в египетскую царицу, – Я – Лиллит, прекраснейшая из живших когда-либо на этой земле.

– Нетути власти твоей над нами, сгинь-пропади, суккуб! – плюнула Степанида через левое плечо, и морок спал.

Борода вскочил, пошатываясь на нетвёрдых ногах. С ужасом он смотрел на упыриху: толстозадая, синегубая старуха в цветных лохмотьях и цыганских юбках скалила гнилые зубы. Три упыря беспокойно переглядывались. Храбрая Степанида быстро вскарабкалась домовому на плечо и крикнула:

– Хозяину перечить вздумали? Да он вас в порошок сотрёт! Разве не видите, кто перед вами? Это домовый Кольчугинского отдела! А вы кто? Доложить по всей форме!

– Цюцюрко, Нэпыйпыво и Убывбатько. Упыри на службе по надзору за арестантами! – гаркнул самый толстый. Потом все трое повалились на колени и нестройно завывли:

– Пробачь нас неразумных... Нэ впизналы...

Суккуб, утратившая свою привлекательность, шипела в углу:

– Явилась, хвостатая, всю малину попортила! Я тебе припомню... А тебя, домовый, я со свету сживу. Вас, нечистых, скоро совсем в Кольчугино не будет. Ни одного! Жди времечка!

От этих слов у Степаниды мороз по шёрстке пробежал.

– Некогда нам с вами тут цацкаться, – молвила мышь и поспешила с домовым прочь, чтобы не праздновать труса.

Оказавшись в родном матузковском кабинете Борода взгромоздился на сейф, уныло дёргая себя за космы. Светила яркая луна, и сон к нему не шёл. Степанида устроилась на ночёвку в кармане кителя Матузкова. О случившемся не говорили. Мышь, как мудрая женщина, понимала, что против суккуба неопытному в любовных шашнях мужчине было не устоять. Борода чувствовал себя пристыжённым. Мало того, что его вокруг пальца провели, так ещё и вступилась за него мышь малая, неразумная... Ночь укрыла город звёздной пеленой. В отделе воцарялась тишина, прерываемая вздохами спящих эка в ИВС и тоненьким трио упырей Цюц-

юрки, Нэпыйпиво и Убывбатько: *«Мисяць на нэби, зирки сияють, тыхо по морю човен плывэ.
В човни дивчина писню спивае, а козак чуе, сэрдэнько мрэ».*

Глава 8. Степанида против Лиллит

Наутро Матузков принёс в кабинет заключение пожаро-технической экспертизы по делу об убийстве Плотникова.

– Жаль, Борода, что ты читать не умеешь, обсудили бы, – покачал он головой, – одна голова хорошо, а две лучше.

—А три – Змей Горыныч, – ввернула Степанида.

– А ты словами спроси, не с подковырками, а напрямки, мож, чего и скажу, – буркнул домовой.

Степанида уселась перед следователем, чтобы ни одно слово не укрылось от её любопытных ушей.

– Я читать умею и юридическим заковыкам обучена, грызла «Уложение о наказаниях» и у Бороды аблакатом была на суде Надмирной Инквизиции, – похвалилась она и тут же хвост зубами закусил. О таком эпическом провале не стоило бы и вспоминать. Следователь сделал вид, что не слышал последних слов мышки.

– Вот что тут написано, – Матузков взял карандаш и стал сажать «птичек» в тексте, – изба сгорела сверху, очаг возгорания был значительного диаметра, не менее трёх метров.

– Это ж сколько керосину нужно было плеснуть на крышу! – ахнул домовой.

– Это не всё. Тело Вити Плотникова, помещённое в печь, сгорело не в ней. Вите кто-то голову проломил, от этого он и погиб.

– Как это, как это? – засуетилась мышь.

– Получается, кто-то его в печь засунул для отвода глаз? – удивился домовой.

– Получается так, верхняя часть туловища была цела, а вот ноги обгорели, то есть горело там, куда доставал огонь пожарища, – развёл руками следователь.

– Царица Савская, – ахнула Степанида, – это ж какие злоумышленники продуманные, не с бухты-барахты решали.

– Именно, – подтвердил следователь и погладил Степаниду по спине, а потом обратился к домовому, – а ты, Борода, когда прилетел к пепелищу, печь осматривал, прикасался к ней?

– Боже упаси, – ответил Борода, – нешто я не понимаю, что к осквернённой печи домовый прикасаться не должен?

– Почему же к осквернённой? – удивился Матузков.

– Всякому понятно, что в устье хлеба пекут, млаленцев недоношенных допекают, а труп там не место, – сказал домовой, как отрезал.

– Кому же понадобилось печь осквернять? – спросила мышь.

– Наиважнейший вопрос – для чего! – добавил Матузков.

На наиважнейший вопрос ответа пока не было, и обдумать версии не получилось, потому что в кабинет к Матузкову участковые Берёзкин и Будкин втолкнули беспризорника. Домовой растворился при появлении незваной троицы, а мышь ушмыгнула за фикус.

– Это что за унылое создание? – недовольно спросил Матузков.

– Товарищ капитан, – доложил Будкин, – бродяга это. Без документов, спал в парке «Южный», вот мы его... Говорит, что незаконно лишён жилища.

– Прямо как я, – выдохнул невидимый домовой, и это заставило всех троих посетителей вздрогнуть.

Матузков отпустил участковых и указал парнишке на стул.

– Рассказывай, – приказал он, прикрыв морщинистые веки.

– Что рассказывать? – испуганно спросил парнишка.

– Почему спал на скамейке? Из дому ушёл?

Парнишка молчал, угрюмо глядя в окно. Матузков вздохнул, достал из кармана пачку «Памира», закурил и предложил мальчишке. Тот ловко поддел сигарету и прикурил от спички. Следователь бросил спичку на пол, но её ловко подняла мышь Степанида, выскочив из-за фикуса, шустро бросила спичку в мусорную корзину и вскарабкалась на плечо Матузкову.

– Ни фиги себе! – выдохнул парнишка.

– Ну и ты появись, суседко! – скомандовал Матузков и театрально хлопнул в ладоши. Слева от бездомного на несгораемом шкафу материализовалось серое облако, из которого медленно проступили босые волосатые ступни, синие штаны с лампасами городского, мундир с латунными пуговицами, рыжеватая борода, а потом добродушное лупоглазое лицо домового Борода.

Парнишка качнулся на стуле и упал в обморок, закатив глаза.

– Я всегда говорил тебе, Борода, что появляться надо менее эффектно, ты не конференсье Борис Брунов, – с укоризной в голосе сказал Матузков, а мышь Степанида хихикнула.

Борода и следователь усадили нервного бездомного на стул, брызнули в лицо водой из графина, а Степанида пощекотала хвостом под его носом. Борода устроился на столе слева от следователя, а мышь вернулась к обжитому фикусу.

Постепенно у парнишки прояснилось в глазах, и он глупо заморгал.

– Как ты понимаешь, врать здесь бесполезно, – широко улыбнулся Матузков, и парнишка, который оказался Колей Соловьёвым, выпускником школы-интерната № 45, выложил всё, как на духу.

– Ситуация, в целом, стандартная, – прокомментировал следователь.

– Злыдни обманули, выманили квартиру, мальчика на улицу выгнали, – подытожил Борода.

– Сиротинушка, – смахнула слезу мышь Степанида, – жизненного опыта никакого.

Домовой Борода подпёр крупную голову кулаком, чтобы не расплескались мудрые мысли, варившиеся в ней, как в котелке. Матузков терпеливо ждал, когда варево дойдёт до готовности. После слёзного разговора и чая со сладкой булкой Коля Соловьёв совсем обессилел и уснул на раскладушке, припасённой за несгораемым шкафом. Когда Матузков вконец устал ждать мнения домового, тот глубокомысленно изрёк:

– Нам без суккуба Лиллит не обойтись.

– Да чтоб у меня хвост отвалился, да чтоб плешь на пузе выскочила! Да ни в жизнь я больше с этой развратницей не свяжусь и тебе, мой шёлковый, не советую. Обманет, треклятая! – запричитала мышь Степанида, сдёргивая для пущей убедительности косынку с головы и бросая её перед Бородой. Матузков наблюдал за сценой ревности, скрывая улыбку ладонью.

– Дело говорю, не шурши! – прикрикнул на мышь домовый, и та ушмыгнула за фикус, недовольно пища.

– Не люблю я этих упырей из ИВС, но... Давай расклад, обсудим, – потребовал следователь, покачав головой. С одной стороны ему было жаль мелкую лейтенанку с её лютой ревностью, с другой – он чувствовал, что Борода дело говорит.

Домовой обстоятельно рассказал, как именно суккуб может помочь. Она проникнет в квартиру, охмурит мошенника, который выманил у простодушного Коли Соловьёва подпись на договоре дарения квартиры, и стибрит этот договор. Если же договор не при себе у барыги, то она заставит негодяя сесть за карточный стол. А тут уж Борода выиграет в карты злосчастную квартиру обратно.

– Обтяпаем на раз-два! – убеждённо сказал Борода.

– Ах, так! А моё мнение не важное? Но я всё равно имею право голоса, у нас демократия и равенство, и даже феминизм в отдельно взятом кабинете! – выскочила из-за фикуса мышь

Степанида, – вы не токмо квартиры не выиграете, а ещё хуже всё усугубите. И в долги перед суккубой влезете и будете ей дань платить, сами знаете, какую.

– Риск есть, – задумчиво произнёс Матузков, – но и другого плана-то нет.

– Да и суккуба уговорить надо... – протянул Борода.

– За этим дело не станет, – снова пискнула мышь, – эту женщину с пониженной социальной ответственностью токмо позови – не отделаешься. А знаете, чем суккуб питается? Не боитесь ей всю мужскую силу отдать?

Домовой покраснел и потупился.

«Ах, какой словесный оборот Степанида придумала про пониженную социальную ответственность! – восхитился Матузков, – надо кому-нибудь предложить использовать».

Жаль, что мышь не смогла ни напугать, ни убедить Матузкова и Бороду. Те вызвали суккуба, и Лиллит быстро явилась к ним во всей красе. В этот раз она предстала в серебристом плаще, под которым на ней не было ничего, кроме сетчатых чулок и пояса на талии с кокетливо свисавшими золотыми цепочками. Степанида плюнула на пол: «Не смотрите на эту! Глаза повылезут». Но Матузков, Борода и внезапно проснувшийся Коля смотрели.

Лиллит улыбнулась и запахнула плащ, села рядом с Матузковым и положила ему на плечо голову с высоко заколотыми на затылке локонами. Пахло от неё мокрой садовой сиренью и розовым зефиром «Улада». Следовательно смущённо кашлянул.

– Зачем понадобилась? – пропела Лиллит.

Борода вкратце объяснил, прерываемый смачными плевыми на пол, которые исторгала мелкая серая Степанида. Никто не обращал на рассерженную мышь ни малейшего внимания.

– Фу! – отпрянула Лиллит и покачала головой, – какой-то сиротка, какая-то квартира, какой-то барыга. В чём мой интерес?

– Ну, я думал, что ты вольная художница, жрица любви... – разочарованно вздохнул Матузков.

– Не бери на понт, мент, – неожиданно хищно оскалилась Лиллит, – если я что и делаю, то это для себя. Повторяю для непонятливых: что я получу за выход? У меня в ИВС разом тринадцать вонючих мужиков. И мне от них по триста граммов сами знаете чего каждую ночь, безо всякого труда. Сидят они давно, баб не видели, а тем более таких.

С этими словами Лиллит выкинула стройную белую ножку из-под плаща и бесцеремонно положила узкую ступню на колено Матузкову. Следовательно заёрзал, а Лиллит захохотала.

– Ну, милочка... Будет тебе выгода. Барыга-то мужик в соку. Хоть всю ночь его потом мучь, – предложил Борода.

– Мне бы тебя, Бородушка, – ласково пропела она, поглядывая из-под чёрных загнутых ресниц на домового, – такого красавца упускать – не в моих правилах. Может, пришло наше время любви?

Борода не соглашался, топал ногами так, что папки со стола Матузкова падали на пол. Суккуб смеялась, точно по хрустальному графину постукивали серебряной ложечкой. Смотрела на восторженное лицо Коли Соловьёва и облизывала острым язычком полные алые губки. В общем, навела морозу...

Пока раздосадованный Матузков и Борода торговались с несговорчивой негодяйкой, а Коля Соловьёв с непривычки от общения с суккубом уже сомлел и закатил под потолок глаза, мышь Степанида потихоньку шмыгнула в дыру под плинтусом и юркнула в коридор.

Без труда она нашла в хозчасти подругу кикимору Хаврошку. Та по своему обыкновению помогала начальнику отдела материально-технического обеспечения составлять отчёты по утилизации продуктов, изношенного обмундирования и якобы выплаченной матпомощи. Хоть Степанида оторвала Хаврошку от важного дела, но кикимора не пожалела. Мышь предложила соратнице шалость, от которой никак нельзя было отказаться.

– В командировку едем, – скомандовала Степанида.

– Брать ли поганую метлу, дырявую кастрюлю, ржавую сковороду? – осведомилась Хаврошка.

– Без такого арсенала не справимся.

По дороге подружки заглянули в котельную. Запечник Агафоша дремал.

– Спishь, лентяй? – грозно спросила Хаврошка и ткнула наметельником приятеля в бок, – вставай, пригодишься. Послужи Степаниде.

Ценивший тепло и сухость помещений, запечник вздохнул, но согласился. Ещё по дороге Степанида проинструктировала приятелей и распределила роли в спектакле. Пообщавшись с Матузковым, она основательно поднаторела в юридической терминологии, и теперь всё реже применяла устаревшие словечки из «Уложения о наказаниях, уголовных и исправительных», которое ей удалось как-то изгрызть до корешка. Особенно ей нравился современный термин: «Группа лиц по предварительному сговору с распределением ролей». Было в этом сочетании что-то эпическое, масштабное, под стать замыслу мыши Степаниды. Трактовала она данный термин по-своему: «Во-первых, лиц, а не морд. Лицо означает самоуважение. Группа – означает отсутствие одиночества в этом холодном и жестоком мире. А сговор – означает вдумчивый подход к мероприятию, а уж о распределении ролей и говорить нечего». Хаврошка и Агафоша были согласны с мелкой лейтенанткой.

Вся троица явилась на улицу генерала Ватутина, к дому номер пятнадцать. Старая, но с виду крепкая пятиэтажка, построенная еще при Верховном Кукурузнике, была угловым домом. Стены мокли и даже снаружи кое-где были покрыты мхом и плесенью. Из подвала тянуло тухлым.

– И на такое жулики позарились! – хмыкнула Хаврошка, привыкшая к уюту и достатку милицейской кладовки.

– Как тут сиротинушкам жильё предоставляют... – покачал головой запечник Агафоша, В нехорошую квартиру Коли Соловьева, занятую барыгой, проникли легко. Мышь – в дыру для электрического кабеля, Хаврошка – в замочную скважину, а Агафоша через отопительный стояк.

Квартира была заставлена коробками. Барыга успел перевезти сюда вещи. По всей видимости, это были шмотки его любовницы.

– За дело! – скомандовала Степанида.

Через час все платья и трусики были порваны в мелкие клочки и живописно разбросаны по полу. Фужеры, стаканчики и сервиз «Мадонна» раскололи, дамские журналы облили водой из туалетного бачка. Духи вылили в раковину, пудру высыпали, помады растёрли по паркету. Тяжелее всего было справиться с запасом продуктов, Хаврошка очень жалела набитый деликатесами холодильник, но Степанида предложила компромисс. Всё втроем попробовали, погрызли, обкусали и оценили продукты по десятибалльной шкале. Только вонючий плесневый сыр «Дорблю» не понравился никому, получил «единицу», и его раскрошили над унитазом. Троица составила план вредительства на завтра и царственно удалилась. Они решились заночевать у соседей, которые, как нельзя кстати, уехали на дачу.

Оттуда наутро Степанида, Хаврошка и Агафоша с удовлетворением слушали, как краля визжала и рыдала.

– Наверное, все концерт слушают, не токмо мы, – восхитилась мышь.

– Натурально, – согласился Агафоша, не отвлекаясь от починки кухонного крана во временно занятой квартире, – никто не против, что я по-хозяйски? Не сидеть же без дела. Да и равновесие в природе – штука важная. Нагадил одному – помоги другому.

Когда вопли стихли, застучали каблук по лестнице, и взвизгнула дверь подъезда, Хаврошка дёрнулась. «Не время ещё», – остановила её мышь.

До вечера все скучали, ждали, пока специалисты клининговой компании наводили порядок в нехорошей квартире Коли Соловьёва. Под покровом ночи соучастники вернулась на место преступления.

– И как я проспала доставку мебели? – зевнула Хаврошечка.

– А я слышал, – пробубнил Агафоша, – да не понял, что именно на этаж волокут.

Степанида оглядела поле битвы. Коробки с испорченными вещами были выброшены. Пол вымыт, в холодильнике – стерильная чистота. В углу комнаты стоял диван и кресла, завернутые в полиэтилен. В углу белел новенький торшер со стойкой в виде обнажённой нимфы.

– Дорогие мои соучастники, – проникновенно начала мышь Степанида, – нас ждут великие дела.

Закипела работа. Первым делом разобрали мебель, выпотрошили обивку, сложив из пушистых кучек на полу заветное трёхбуквенное слово. Хаврошечка отпоролла от нарядных занавесок кусок невесомой тюли и заскакала кругами по комнате, неистово взбрыкивая. Она именно так представляла себе танец невесты. Что поделаешь, замужем не была, не осведомлена о ритуалах. Степанида была к ней снисходительна. Нимфе откололи обе руки и свинтили абажур.

– Чисто Венера, – восхитилась Степанида изобретательности Агафоши.

– Дык, я в краеведческом пятьдесят лет запечником жил, кой-чего понимаю в искусстве, – горделиво подбоченился Агафоша.

Напоследок Хавроша отвернула два водопроводных крана – на кухне и над ванной. Степанида предусмотрительно заткнула сливные отверстия.

– Хорошо-то как! – всхлипнул от умиления запечник и завёл песню.

*«Сама садик я садила,
Сама буду поливать.
Сама милого любила,
Сама буду забывать.
Ах, что это за садочек,
За зелёнький такой?
Ах, что это за мальчишка,
Разбессовестный такой?»*

Спели и пошли почивать в соседнюю квартиру. Поспать не удалось, потому что через три часа их разбудил рёв сирены. Приехали МЧСники, выломали дверь в нехорошую квартиру, навели суету и шум. Степанида ворочалась и вздыхала в чужом пахучем тапке у двери: «Поспать не дадут, шумят, окаянные, могли бы и с утраца поработать...»

С утра тоже было шумно и беспокойно. Участковый, жилкомитет и соседи собрались на лестничной площадке. Весь нижний этаж залило, так что жители дома номер пятнадцать желали видеть юного Колю Соловьёва, который без родительского присмотра тут безобразничал. Какого же было их удивление, что в мокрую квартиру явился хмурый барыга с запахом перегара и следами женских коготков на щеках. С ним пришла неласковая краля в короткой юбке и майке на бретельках. Никем не замеченная мышь удобно сидела на сахарнице в буфете. Невидимая людскому глазу Хаврошка в обнимку с Агафошей устроилась на подоконнике. Краля покачивалась на красных каблуках и дула губки. Барыга оправдывался и тыкал пальцем в договор дарения.

– Изучим, – сказал милиционер, и отложил договор на сухую спинку изуродованного дивана, а сам продолжил «выяснение обстоятельств».

Мышь Степанида не дремала, через пару минут она уже увлечённо драла лапками и жевала ненавистный и лживый документ. Хаврошка и Агафоша тоже не сидели без дела,

чтобы заглушить производимый мышкой яростный хруст, они устроили концерт. Пригодился припасённый Хаврошкой арсенал. Кастрюля громыхала, сковорода дребезжала. Перепуганные соседи выбежали первыми. Участковый крутил лопаухой головой в форменной фуражке, но не находил здравого объяснения происходящему. Хаврошка поганой метлой сунула под зад крале. Та взвизгнула и выскочила в подъезд. Барыга насупил густые брови и зыркал по углам, ища причину шума. Его было не так-то просто смутить. Пришлось надеть негодяю на голову дырявую кастрюлю и треснуть сверху ржавой сковородой. Эффект превзошёл все ожидания хулиганской троицы.

– Не моя это квартира, не моя! Будь она проклята! – завыл барыга.

– Проедем, гражданин! Сейчас в отделе, под протокольчик мы зафиксируем ваши показания, – удовлетворённо кивнул участковый и поискал глазами договор, – а документик-то о дарении квартиры пропал... Вот чудеса!

Мышь Степанида вернулась в отдел. Она села за фикус, скромно сложив лапки на пузке, и смотрела в окошко.

Начинался сентябрь с его непредсказуемой погодой. Небесное сито веяло мелкий дождик. Люди надели яркие куртки и ветровки. Зеленел видневшийся угол парка «Южный», но и он был готов поменять летний наряд на жёлтый осенний плащ.

– Как успехи? – спросил Борода.

– Хорошие дела сами за себя говорят, хвалиться не буду, – высокомерно ответила мышь.

Матужков был доволен работой серой помощницы, дул горячий чай с бубликами, подвигая для неё кусочки лакомства на край блюдца. Авось Степанида заметит и смягчится, отдаст угощения.

– Мы тоже даром тут не сидели, мелкая лейтенантка, – сказал Матужков, – кое-что выяснилось.

– Что именно? – вскинулась мышь.

– Пуговица, – самодовольно ответил Борода.

Мышь перебралась к столу следователя, схватила лапками бублик и стала его точить.

– Когда Лиллит приняла свой обычный вид, то мы заметили, что на её блузке не хватает пуговицы. Все нарядные, перламутровые, а вместо верхней – рубашечная, – сказал Матужков, хитро улыбаясь Бороде.

– Помнится, на месте преступления была найдена перламутровая пуговица, – подсказал Борода.

Степанида отбросила бублик, стряхнула с усов крошки и запищала:

– Так это же улика, надоть эту суккубиху допросить и арестовать.

– Ага, так она и скажет правду... – протянул Матужков, – тут надо действовать хитростью.

– Одно мы знаем точно, – весомо сказал Борода, – милицейская машина действительно приезжала на хутор Кривой, и в ней сидела Лиллит с нашим бедным Витенькой.

Глава 9. Ликёр «Амаретто»

Начальство требовало скорого расследования дела Плотникова, а оно с места никак не двигалось. Находилось сто причин, чтобы заняться чем-то более важным. Вот и теперь зазвонел внутренний телефон, и Борода подпрыгнул. Он никак не мог привыкнуть к резким современным звукам. После разгрома принтера Борода и Степанида присматривались к телефонному аппарату, но Матузков строго-настрого запретил даже думать в эту сторону.

Будкин привёл в кабинет следователя брыкающуюся девушку в стариковских вязаных гамашах и клетчатом фартуке и юношу в спортивном костюме «Addidass».

– Товарищ капитан, тут такая шиза...

Молодой человек набрал в грудь побольше воздуха и выпалил:

– Товарищ начальник, эта деваха хотела ограбить мою квартиру, а когда я её обнаружил на диване, то она заявила, что является моей бабушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.